

УДК 940.3

РЕШЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ВОПРОСА ОРГАНАМИ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СИБИРИ В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНЫХ КАТАКЛИЗМОВ (ОКТАБРЬ 1917 Г. – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1918 Г.)

Чудаков О.В.

ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», Омск, Россия (644077, г. Омск, пр. Мира, 55А), e-mail: chudakov55@rambler.ru

После Октябрьской революции Советы на местах стали проводить политику роспуска старых продовольственных органов и брать в свои руки всё продовольственное дело. С роспуском городских дум продовольственные органы переходили под управление городских Советов, постепенно менялась структура продовольственных органов, ситуация, с которой к концу 1917 – началу 1918 г. оказалась очень запутанной. Местные советские органы власти, вследствие отсутствия денежных средств, вынуждены были использовать радикальные методы снабжения населения продовольствием, путем изъятия продуктов и товаров у частных торговцев, спекулянтов, используя судебные органы, а также наложением штрафов, ареста на товары, введением продуктовой диктатуры и монополии на отдельные виды товаров и продуктов, системы карточного распределения и др.

Ключевые слова: органы городского самоуправления, Первая мировая война, социальные катаклизмы, продовольственный кризис.

DECISION OF FOOD QUESTION THE ORGANS OF MUNICIPAL SELF-GOVERNMENT IN SIBERIA IN THE PERIOD OF SOCIAL CATAclysms (OCTOBER 1917-FIRST HALF OF 1918)

Chudakov O.V.

Omsk state University of F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia (644077, Omsk, Mira Ave., 55A).

After October revolution Councils on places began to pursue policy of dissolution of old food bodies and to take in hand all food business. With dissolution of City Councils food bodies passed under management of city councils, the structure of food bodies, a situation with which by the end 1917 gradually changed – it was to the beginning of 1918 very confused. Local Soviet authorities, owing to lack of money, were compelled to use radical methods of supply of the population the food, a way of withdrawal of products and goods at private dealers, speculators, using judicial authorities, and also imposing of penalties, arrest on goods, introduction of grocery dictatorship and monopoly for separate types of goods and products, systems of card distribution, etc.

Keywords: Bodies of municipal government, the First World War, social kataclysms, the food crisis.

После Февральской революции 1917 г. в деятельности Временного правительства не последнее место отводилось решению продовольственной проблемы, которое стремилось опереться на структуры, созданные еще царским правительством и имевшие отработанную систему. Весной-летом 1917 г. продовольственное дело сибирских муниципалитетов значительно расширилось: появились розничные лавки для реализации товаров населению, была введена карточная система на многие продукты питания, продовольственные отделы стали заниматься не только распределением, но и закупкой тех продуктов, на которые не была введена государственная монополия [20, с. 43].

Следует отметить, что уже в первые дни Февральской революции сама буржуазия

изъявила готовность принять участие в разрешении продовольственного вопроса, которая в некоторых городах добровольно обязалась торговать по старым ценам [20, с. 43]. Однако это не приносило желаемых результатов. В связи с этим борьба с продовольственными затруднениями, с дороговизной и спекуляцией неизбежно вела к постановке вопроса об установлении рабочего контроля над торговлей и распределением продуктов. Инициатива здесь исходила от Совета рабочих и солдатских депутатов, к которым обращалось население. В Сибири это выражалось в контроле Советов, профсоюзов или созданных ими комиссий над магазинами частных предпринимателей и складами, а в Красноярске и городах Енисейской губернии – в контроле Советов через специальные комиссии и комиссаров за подвозом, заготовкой и продажей продуктов питания и предметов потребления [8, л. 1-7]. Комиссии устанавливали наличие товаров и продуктов, определяли цену и следили за продажей по этим ценам. В других местах Советы и профсоюзы посылали своих представителей в продовольственные комиссии [19, с. 322].

К осени 1917 г. продовольственный вопрос стал еще более острым. Во многих сибирских городах начались сильные волнения среди широких слоев населения города, возникшие в связи с повышением Временным правительством твердых цен на хлеб. В результате чего повсеместно вводилось военное положение для подавления волнений в городе [13, с. 20; 14].

С 1 сентября городские продовольственные комитеты начинают возвращаться под контроль муниципалитета и включать в себя гласных думы, что было связано с реализацией закона 9 июня 1917 г. [10, л. 75]. Процесс обратного перехода продовольственных функций городам затянулся в связи с тем, что новым гласным требовалось время войти в курс дела, к процессу перехода нужно было подходить осторожно, чтобы не нарушить работу действовавших продовольственных организаций.

Любой неосторожный шаг мог спровоцировать беспорядки. Негативное влияние оказали проведенная с интервалом в несколько месяцев передача функций снабжения продовольствием сначала из муниципалитетов в особые продовольственные комитеты, а затем обратно, большевистский переворот и слабость власти, которая осенью 1917 – зимой 1918 г. не могла в необходимой мере обеспечить продовольственные органы силой принуждения. В такой ситуации муниципалитеты все в большей мере вынуждены были полагаться сами на себя.

В некоторых северных районах Сибири из-за продовольственного кризиса обстановка накалилась до предела. В частности, в Бодайбо Ленским товариществом сократилась выдача мяса на 1/3 (до этого выдавали по 55 фунт. в месяц. – О.Ч.). Это сокращение было вызвано «неподачей скота из Якутска», распространением язвы в Вилюйске, а также отказом

Иркутского продовольственного комитета отпустить «монгольский скот» [11]. Таким образом, нарушение экономических связей с Европейской Россией и между отдельными районами Сибири, сокращение притока промышленной продукции способствовали обострению продовольственного положения к осени 1917 г.

Новониколаевский комитет РСДРП(б) сообщал: «Экономическая жизнь в крайнем развале; торговля почти прекратилась, торгуют только кооперативы; в городе и уезде большая безработица. Приступлено к товарообмену между городом и деревней. В городе голода нет, но на севере губернии голод, и Новониколаевск отправил туда несколько вагонов хлеба. Сейчас налаживается продовольственный аппарат; ведется решительная борьба с мешочниками» [1, с. 305]. В середине сентября 1917 г. министр продовольствия Временного правительства С.Н. Прокопович отмечал на Кооперативном съезде в Москве 11 сентября 1917 г.: «Мы на границе отчаяния... И уже теперь я, как экономист, могу предвидеть тот месяц, когда мы окончательно экономически развалимся...» [21, с. 86].

В ходе установления власти Советов и постепенной ликвидации органов городского самоуправления постепенно менялась структура продовольственных органов, ситуация с которой была очень запутанной. Некоторые городские продовольственные комитеты еще проходили процесс слияния с муниципальными продкомами, другие уже действовали как часть муниципальной организации. С роспуском городских дум продовольственные органы переходили под управление городских Советов. Также происходило некоторое обновление состава губернских, уездных и других продкомов и продуправ. В частности, в конце декабря 1917 г. курганский уездный крестьянский съезд постановил реорганизовать губернский продовольственный комитет и на его основе в январе 1918 г. в Кургане был создан новый, советский продовольственный аппарат. Местным Советам было предложено разного рода спекулянтов, саботажников и мародеров предавать революционному суду и при необходимости расстреливать на месте [4, с. 135]. В это же время Тобольский губпродком также был вынужден снять с себя полномочия в полном составе [5, л. 20]. Енисейский соединенный губисполком предложил губернской продуправе сдать все дела продовольственной секции Совета [15, с. 259].

Исполнительные комитеты Советов не имели средств для организации государственной торговли. Более того, у них не было в тот момент даже возможности организовать контроль над частной торговлей вследствие ее чрезмерной распыленности и слабости контролирующего аппарата. Поэтому Исполнительные комитеты вынуждены были вести борьбу со спекуляцией только с помощью судебных органов, штрафов, наложения ареста на товары, запрета

кредитным учреждениям выплачивать деньги по чекам штрафуемых торговцев и др. Для прекращения тайного вывоза товара спекулянтами к крупным магазинам и складам ставились караулы из красногвардейцев и посылались комиссары исполкома, как это было, например, в Минусинске [3, с. 86].

С наступлением зимы во многих сибирских городах проявился недостаток топлива. Так, например, Минусинский Совет был вынужден провести ряд радикальных мер. На заседании 11 декабря 1917 г. Исполнительный комитет обязал Минусинскую городскую думу и продовольственную управу: «1) произвести учет имеющихся у жителей города запасов дров, а излишек реквизируют по твердой цене и передать в городскую продовольственную комиссию для продажи беднейшим жителям города; 2) отпускать из запасов города угля только школам, больницам, приютам, милиции и беднейшему населению города; 3) продовольственной комиссии сделать немедленно подъезды к заготовленным городом дровам в Ничкинском бору» и др. [3, с. 91].

К началу зимы 1917 г. советское правительство вынуждено было также ввести продовольственную диктатуру, хлебную и сахарную монополии и принять ряд чрезвычайных мер. Подвоз хлеба в некоторые районы Сибири сократился. К ноябрю 1917 г. ситуация с наличием хлеба в сибирских городах стала критической. Канский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 13 ноября 1917 г. принял решение о помощи хлебом Томску, откуда поступила телеграмма об угрожающем продовольственном положении [12, с. 220-223]. И это несмотря на то, что Сибирь накануне Октябрьской революции обладала значительными запасами хлеба.

В Барнауле на заседании городской думы 29 ноября 1917 г. рассматривался вопрос о продаже сахара в городе. Согласно постановлению Временного правительства от 1 ноября 1917 г. при введении сахарной монополии сахар облагался дополнительным акцизом. В городском продовольственном комитете установили, что этот налог должен исчисляться в 205 тыс. руб. Следовательно, цена сахара увеличилась с 40 коп. до 1,5 руб. за фунт рафинада и с 35 коп. до 1,42 руб. за фунт сахара-песка [18, л. 219]. В результате этого Совет народных комиссаров 19 ноября 1917 г. опубликовал в местных газетах телеграмму об отмене «повышенных сахарных цен». Городская дума, обсудив эту телеграмму, постановила продавать имеющийся у продовольственного комитета сахар по прежним ценам и мотивировала это как «необходимость предотвратить возможные эксцессы, а также тем, что сахар получен в октябре» [18, л. 220].

На собрании Томского Совета рабочих и солдатских депутатов 15 декабря 1917 г. Орлов от имени Исполнительного комитета отмечал, что урегулирование продовольственного вопроса

встретило массу затруднений, т.к. приходилось прибегать к реквизиции продуктов у частных лиц и интендантства (около 10 тыс. пуд. хлеба. – О.Ч.). С помощью Красной гвардии было реквизировано у предпринимателя Кухтерина 270 пуд. и на заводе Зверева 10 тыс. пуд. пшеницы. Красноярский Совет обещал выделить 20 тыс. пуд. В связи с тем, что продовольственное дело продолжало оставаться в неудовлетворительном состоянии, в январе 1918 г., по распоряжению Совета, прекратила деятельность Томская губпродуправа, отказался от работы Иркутский губпродком [17, с. 88; 7, л. 55об.]. Как отмечал на заседании Иркутской городской думы 15 января 1918 г. гласный И.К. Скаличев (председатель Особого совещания по продовольствию. – О.Ч.), «продовольственная разруха в губернии чувствуется все острее». «В настоящее время в городе имеется 25 вагонов пшеницы и 12 вагонов ржаной муки. Этого запаса хватит до 1 февраля. С мясом дело плохо, пока придется пустить в продажу потроха» [7, л. 23]. Поэтому необходимо обратиться к населению с воззванием, чтобы «само население приняло бы какие-либо меры, ибо если их не примет, то будет умирать с голоду» [6, л. 31об.].

В феврале 1918 г. большевики после разгона губпродкома попытались распустить и городские продовольственные комитеты. Комиссар по продовольствию Никифоров заявил, что Иркутскому городскому самоуправлению не будет предоставлено право свободной закупки хлебных продуктов в Иркутской губернии. В связи с этим городская дума обещала предпринять все меры, «чтобы 1,5 млн. руб., потраченные городом на продовольствие, были возвращены большевиками в кассу городского самоуправления» [7, л. 75об.]. В итоге все продовольственное дело было передано советским органам 26 февраля 1918 г. [7, л. 110].

Минусинский Совет также взял в свои руки решение продовольственного вопроса. 16 января 1918 г., превратив существующий продовольственный комитет в продовольственный отдел Совета, представителем от Совета в губернскую продовольственную управу был избран эсер Базаркин. Проведение в жизнь принятой меры было поручено исполкому Совета [16, с. 41]. Для разрешения продовольственных затруднений Совет организовал учет хлеба и других продуктов, приступил к организации продовольственных отрядов, которые занимались заготовкой хлеба для Минусинска [16, с. 41].

7 апреля 1918 г. в Барнауле после установления власти Советов была ликвидирована продовольственная управа. Ее функции перешли к продотделу Совета. Все дела по реквизиции вместе с реквизиционным аппаратом городского продовольственного комитета также были переданы в распоряжение Советов [2, с. 149, 154].

Положение с продовольствием резко ухудшилось весной 1918 г. в связи с обострением классовой борьбы в деревне, а затем – с развернувшейся гражданской войной и интервенцией.

На Краевом Восточно-Сибирском и Дальнего Востока продовольственном совещании, состоявшемся в Чите с 11 по 16 мая 1918 г., представитель Енисейской продовольственной управы А.О. Брайковский отмечал: «В Енисейской губернии продовольственное дело в апреле 1918 г. перешло в руки советской власти. Переходу предшествовало отрицательное отношение уездных продовольственных управ к губпродкому. Некоторые продовольственные управы прямо отказались выполнять распоряжения» [9, л. 6].

При этом в Енисейской губернии уже отсутствовали товары первой необходимости. Как отмечал один из городских деятелей, «пытались их закупить на восточном рынке, но с закрытием дальневосточной границы губерния лишилась последней возможности. Все оставшиеся товары распределялись по карточкам. Красноярск и губерния были изолированы соседними советскими республиками, не допускающими до Красноярска товаров даже тех, которые непосредственно ему предназначены. Все товары обыкновенно реквизировались по дороге к г. Красноярску, хотя сам город пропускал все транзитные грузы» [9, л. 7]. Нормы отпуска продовольствия в г. Красноярске, утвержденные продовольственными органами советской власти, на 1 мая 1918 г. составляли: мука ржаная – 3 фунта, мясо – 2 фунта, масло – 1 фунт, крупа – 3 фунта, керосин – 2 фунта, сахар – ½ фунта на 1 душу в месяц, 10 фунтов свежей рыбы, 3 фунта соленой рыбы [9, л. 7].

Примерно такая же ситуация сложилась и в Ачинске. Раньше городской продовольственный комитет сам заготавливал нужные для города запасы хлеба и мяса, но это право было отобрано, и все заготовки производились уездным комитетом. Пытаясь содействовать разрешению продовольственного вопроса продовольственный комитет, имевший 100 тыс. аршин мануфактурного материала, решил организовать в деревне товарообмен: за 1 пуд овса давать ¼ аршина ситца, остальное – деньгами; 1 пуд ржи и пшеницы приравнивался 1 аршину ситца, и остальная часть доплачивалась также деньгами [9, л. 8].

В Нерчинске снабжение города продовольствием весной 1918 г. было передано городской думе, у которой отсутствовали средства на операции с хлебом. Для этих целей было собрано 45 тыс. руб. Хлеба и мяса в городе оставалось приблизительно на 1 месяц, керосина и свечей не было. Подобное положение сложилось и в г. Сретенске [9, л. 16]. Поэтому в большинстве городов Сибири на товары мануфактурного производства, соль, чай, сахар, крупу и пр. продукты была введена карточная система. Для городского населения норма составляла: муки – 35 фунтов, крупы – 3 ф., чая – 1 ф. [9, л. 18].

К сожалению, к лету 1918 г. ситуация с продовольствием на рынке только ухудшилась. Поэтому продовольственные органы советской власти приняли решение об изменении системы

карточного распределения, введения сначала четырех, а потом трех категорий классового пайка в зависимости от источника существования (физический или умственный труд, нетрудовой доход). Так называемый классовый паек был введен с 1 июля 1918 г., и с этого же времени было организовано общественное питание в городах и крупных промышленных центрах, что послужило решительным средством в борьбе с надвигающейся опасностью продовольственным голодом.

После Октябрьской революции Советы на местах стали проводить политику роспуска старых продовольственных органов и брать в свои руки всё продовольственное дело. Местные советские органы власти вынуждены были использовать радикальные методы снабжения населения продовольствием, путем изъятия продуктов и товаров у частных торговцев, спекулянтов, используя судебные органы, а также введением продуктовой диктатуры и монополии на отдельные виды товаров и продуктов.

Список литературы

1. Большевики Западной Сибири в борьбе за социалистическую революцию, март 1917 – май 1918 г.: сб. документов и материалов. – Новосибирск : Кн. изд-во, 1957. – 367 с.
2. Борьба за власть Советов на Алтае : (Исторический очерк) / Под ред. Т.А. Кулакова. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1957. – 464 с.
3. Гидлевский, К., Сафьянов, М., Трегубенков, К. Минусинская коммуна. 1917–1918 гг. Из истории Октябрьской революции в Сибири / К. Гидлевский, М. Сафьянов, К. Трегубенков. – М.;Л. : Соцэргиз, 1934.
4. Глебов, С.С. Победа Советской власти в Южном Зауралье / С. С. Глебов. – Курган : Изд-во газеты «Советское Зауралье», 1961.
5. Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (ГУТО ГА). Ф. И-722. Оп. 1. Д. 33.
6. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 70. Оп. 4. Д. 9.
7. ГАИО. Ф. 70. Оп. 4. Д. 523.
8. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1459. Л. 1-7.
9. ГАИО. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 20.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1783. Оп. 4. Д. 292. Л. 75.
11. Единение. – 1917. – 12 августа.
12. За власть Советов : Сборник документов о борьбе за власть Советов в Енисейской губернии

(март 1917 – июнь 1918 гг.). – Красноярск, 1957. – 332 с.

13. Клеткин, Е.Д. Борьба за установление Советской власти в Омске и области март 1917 – май 1918 гг. / Е. Д. Клеткин. – Омск, 1957. – 43 с.

14. Омский вестник. – 1917. – 6 октября.

15. Победа Великого Октября в Сибири: В 2 ч. Ч. 2. Социалистическая революция и установление Советской власти / Под ред. И.М. Разгона. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987.

16. Сагалаков, Э.А. Социально-политическое развитие Южной Сибири в 1917–1918 гг. / Э. А. Сагалаков. – Абакан : Изд-во ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанаева», 2010. – 72 с.

17. Советы Томской губернии (март 1917 – май 1918 гг.) : Сборник документов и материалов. – Томск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1976. – 218 с.

18. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК). Ф. 51. Оп. 2. Д. 7.

19. Чудаков, О.В. Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (июль 1914 – первая половина 1918 гг.) : Монография / О. В. Чудаков. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2013. – 423 с.

20. Чудаков, О.В. Продовольственный вопрос в деятельности городского общественного управления в Сибири в межреволюционный период (февраль – октябрь 1917 г.) / О. В. Чудаков // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. – 2014. – № 2 (126). – С. 42-45.

21. Юровский, Л.Н. Денежная политика советской власти (1917-1927) / Л. Н. Юровский. – М. : ЗАО Изд-во «Экономика», 2008. – 592 с.

Рецензенты:

Толочко А.П., д.и.н., профессор кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», г. Омск.

Попов Д.И., д.и.н., профессор кафедры истории и теории международных отношений ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», г. Омск.